

Эдвин Эрих Двингер

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Примечание редакции сайта Велесова Слобода: В 2006 г. к нам обратился немецкий адвокат и политик Юрген Ригер с просьбой опубликовать этот текст из журнала «Дер Дитрих» Лейбштандарта СС Адольф Гитлер от 20 октября 1943 г. на немецком и русском языках в качестве примера того, что «теория недочеловека» не находила в Германии широкого распространения. Мы выполняем просьбу Юргена Ригера спустя семь лет после его смерти.

Самые широкие просторы отделяют нас от Восточного театра военных действий. Однако нам хорошо знакома его суровость. В любое время приказ фюрера может призвать нас вернуться с полей Италии обратно в восточные степи. Приведенные ниже слова поэта Эдвина Эриха Двингера должны сказать кое-что всем нам.

Война против революционизированного народа – это не только военная проблема, и мы должны были бы знать это, прежде всего уже потому, что мы – единственный еще революционизированный народ в мире, помимо советского. Ни один из западных пресыщенных народов не мог бы вести войну так, как ее ведут Советы, ибо западные народы, совершенно не ощущая духа своих врагов, обязательно проиграли бы такую войну на чисто военном уровне. Мы, как народ, который сам совершил свою революцию, должны были бы, тем не менее, тоже попытаться вести эту войну на другом уровне, и по причине знания революционной психологии мы, в принципе, не должны были бы совершать никаких ошибок. Однако предпосылкой для плодотворного продвижения вперед в этой области является прежде всего то, что мы должны не преуменьшать противостоящую нам силу с помощью наших лозунгов, а признаться хотя бы самим себе, что мы, немцы, совершили в этом столетии не единственную революцию, и, во-вторых, мы должны серьезно и честно постараться приобрести основательные знания о сегодняшней русской душе.

Каждого солдата следовало бы теоретически обучить тому, что в этой борьбе он должен быть не только солдатом, но и даже в определенной степени политиком. Ему приходится часто проявлять политическое чутье даже в боях, а во время отдыха доказывать это чутье почти в любое время, когда он оказывается рядом

с народом этой страны. Но без знания психологии русского человека он всегда будет обращаться с ним неправильно. И это неправильное обращение означает, в свою очередь, что такой солдат будет подталкивать русского человека к только и ожидающим того партизанам, этому самому опасному творению революционного ведения войны, из-за которого в гражданских войнах любая оккупация большого пространства оканчивалась поражением.

Мы ни в коем случае не можем недооценивать это партизанское движение, ведь справиться с ним можно только при самой объективной его оценке. Но партизанское движение также нельзя и разгромить чисто военным путем, так как это потребовало бы сотен тысяч солдат жандармерии, его можно обезвредить, по существу тоже, только политическими методами, привлекая народ на свою сторону, чтобы сам народ отказал этому движению в поддержке.

После того как Сталину без сомнения в определенной степени удалось лживым образом превратить борьбу за выживание его системы в отечественную войну, ему тем самым помогла доля той патриотической преданности, которая всегда была одной из самых мощных сил русского человека. Но революционизированную в своем естественном интеллекте, кроме того, приобретающую в своей широкой массе сильные патриотические чувства Россию нельзя было победить в результате военной оккупации, с этой оккупации ее завоевание в более глубоком смысле вообще только начинается. Восточный человек не живет в первую очередь в своем «Я», его самая глубокая сущность живет еще в стадном виде в понятии «Мы». Это качество проистекает из огромных пространств его страны, оно приводит на бесконечных просторах к тесной сплоченности, вроде той, которая возникает у пасущихся в степи стад при угрозе сильной бури и грозы. Здесь кроется секрет того пропагандистского успеха, которого Советы также несомненно, и, прежде всего, неожиданно быстро добились. Но эта пропаганда одновременно вырвала его из бездумного, животного существования, бессвязно привила ему духовный мир идей, из которого теперь, как у всех полуобразованных людей, появляется множество всяческой чепухи. Однако мы не можем позволить ввести себя в заблуждение этой часто несусветной чепухой, ибо она как раз и представляет собой признак настоящей революционизации простых людей, которые теперь после своего пробуждения хотят, чтобы к ним и далее обращались. Из этого мира, впрочем, происходит также та жестокость, которой в сегодняшнем масштабе никогда не было у русских в старой России.

Не выросший органически дух всегда причиняет беды, он, возможно, ведет из девственно нетронутой почвы к неслыханным творениям, так как ему свойственна, прежде всего, преодолевающая все, безудержная фантазия, но он

также в большинстве случаев срывается, выходит за любые рамки в этом юном акте творения. Не зря всегда говорили, что русский народ – женский, немецкий, напротив, мужской народ. Таким образом, русский также проживается больше, чем живет он сам, но для него в этом и есть его сила. Как раз в такие времена, как нынешнее, мы не можем это недооценивать, так как он тем самым привносит в сущность массы столь много истинного, что масса в противоположность нам утрачивает почти все свои типичные свойственные ей слабости. Благодаря этой внутренней подлинности она вырастает до, без сомнения, своей сильной формы. Поэтому она также меньше спрашивает о том, как она живет, для нее решающим является то, что она вообще еще может жить. Нас, европейцев, очень сильно ослабляет превращение в массу, но человека восточного пространства оно, напротив, усиливает.

Если перенести эти соображения на военную область, то эта масса всегда будет уступать нам там, где мы своими ловкими маневрами сумеем выманить ее из интеллекта к смерти. Но нам только с большим трудом удастся справиться с нею там, где она сможет навалиться фронтально как настоящая масса. Но здесь нам нужно приобрести еще одно познание, а именно то, что мы вообще не можем обсуждать ее положение на фронтах, применяя европейский подход и оценки. Ни одна достигнутая с европейской точки зрения победа над ними отнюдь не является таковой, это доказали нам первые сражения на окружение, которые принудили бы любой западный народ капитулировать через три месяца. Русская масса в этом, как раз благодаря ее специфическим природным свойствам, куда больше походит на примитивно бесчувственных холонокровных животных, у которых можно спокойно оторвать несколько конечностей, и они из-за этого вовсе не обязательно сразу же умрут. Этот народ будет побежден только тогда, когда ему разmozжат голову, но эта голова – это та революционная идея, которая снова и снова обращается к его массе, также вместе с тем всегда завоевывает эту массу снова и снова. «Ты, пожалуй, можешь захватить мое тело, но не мою душу!», как говорит широко распространенное выражение, которое попадает в самую суть русской женской души. Тем не менее, не менее важно, нежели знание этой исконной сущности, что мы сами без всяких шор должны ясно понять, что этот народ прошел через двадцать пять лет обучения. И это обучение до видимой гордости вбило ему в голову осознание того, что Советская Россия является самым современным государством в этом действительно отсталом и реакционном в его глазах мире. Сегодня каждый даже посредственный ум там верит, что, сражаясь с нами, он борется против самой темной средневековой реакции, при этом рискуя жизнью ради самой прогрессивной идеи человечества. Именно то, что никогда не удавалось царизму, большевизм смог сделать в полной мере: они взывали лично даже к самому последнему нищему,

к его самому большому удивлению они говорили также ему: «Это очень важно, это теперь зависит от тебя, мы ставим тебе самую большую задачу». Советы действительно смогли впервые мобилизовать эту тяжеловесную массу, превратить ее из ее пассивности в активистов, вследствие этого пробудить то неслыханное, ужасающее, что скрывалось в этих покоящихся много тысячелетий силах. Теперь они вопреки многочисленным неудачам и катастрофам впервые показали такие результаты, которые может продемонстрировать только девственное поле под паром, когда его засеяли впервые. Поэтому мы тоже должны обращаться к ним теперь, этого уже никак нельзя избежать. Их тупой сон все равно закончен, прежнее удобство для чужеземного завоевателя ушло в прошлое, и эту массу уже никаким способом нельзя вернуть в это ее прежнее состояние. Вместе с тем немцам предстоит решить одну из самых больших задач, а именно привлечь эти народы на свою сторону, сделав их частью европейской семьи народов.

Но эту задачу мы сможем успешно решить только в том случае, если не только каждый офицер, каждый солдат, каждый переводчик, но и вообще каждый немец станет на Востоке пропагандистом. Более или менее хорошее решение этой задачи является наряду с войной решающим для будущего нашего народа. С этим решением мы должны будем доказать, достаточно ли уже готовы мы, как люди, для духовного руководства целыми народами вообще. Мы поэтому в первую очередь не можем больше уступать эти массы воздействию той настойчивой пропаганды, которая бесспорно снова и снова проникает к ним из оставшейся России (не оккупированной немцами – прим. перев.), по меньшей мере, постоянно передается им через партизан, снова и снова разрушая все внутреннее строение. Мы ежедневно должны создавать в них противоядие, должны в определенной мере бороться с Советами за их души, вовсе не считать себя слишком хорошими для такой работы. Но, прежде всего, мы должны приходить к ним как великие праведники. Эта задача сама по себе встает перед каждым, кроме того мы также непосредственно должны организовывать их.

Советские партийные ораторы обращались к русскому человеку, наверное, в десять раз сильнее, чем это происходило у нас во времена борьбы за захват власти, однако, прежде всего, за двадцать пять лет его приучили к этому таким способом, который едва ли можно превзойти. Кроме того, в каждом русском таится тяга к дискуссиям, в этом мы видим указания для нас самих. Поэтому нужно отправлять к ним ораторов, с помощью которых будет охвачен, как только это возможно, даже самый последний нищий, как это было у наших предшественников.

Русский, как человек природы, это существо отклика, и если ты обращаешься к нему как к зверю, то и он ответит тебе как зверь. Но если ты взываешь к нему как к человеку, то и он принесет тебе в ответ самое человеческое, что в нем есть. Или, если сказать проще: «Как аукнется, так и откликнется». Это старый опыт всех знатоков русской души, который никогда не подводил как средство во время Гражданской войны, если только этот человек находил для такого обращения настоящий тон: «Разве ты не человек?» Это было как будто заклинание. Наряду с этим есть еще и второй «Сезам, откройся!», это все слова, которые будят в русском его склонность к покаянию. Тем не менее, при всем этом речь должна идти о том, чтобы внушить им доверие к нам, так как от недостатка такого доверия они страдали больше всего, вечные доносы больше всего мучили их. И если мы снимем с их сердца этот бесконечный страх, если мы снова сделаем их доверчивыми детьми, то мы, без сомнения, склоним русских на свою сторону в самой глубине их души. Поэтому здесь следует повторить еще раз: русской душе много тысяч лет, и двадцать лет никак не могут изменить сущность ее структуры.

Также здесь, естественно, нельзя обобщать опыт, наряду с фанатичными большевиками все еще есть безразличные крестьяне, рядом с ними, однако, само собой разумеется, присутствуют также смертельные враги системы, так как, с одной стороны, пятилетки, с другой стороны, террор слишком жестоко ударили по отдельным семьям, так что никак не мог не возникнуть тип мстителя. Но в принципе старые основные черты русского человека остались еще сегодня такими же, как прежде. Самое охватывающее весь мир желание стоит здесь рядом с самым жалким провалом, фанатичное воодушевление живет рядом с животной тупостью, стремление к абсолютной справедливости – с самой кричащей несправедливостью, самый холодный атеизм борется с самой святой набожностью, самый радикальный материализм сталкивается с идеалистической самоотверженностью. Поэтому мы должны работать в первую очередь с противоположностями. Так как они больше не знают настоящего дружелюбия, мы должны принести им его в самой привлекательной форме, так как им всегда только грубо приказывали, мы должны предписывать с вежливостью, так как обычно никакие указы им не объясняли и не обосновывали, мы должны стремиться благоразумно объяснять любое наше распоряжение. Но самой большой ошибкой, во всяком случае, было бы желание сменить русского начальника на бывшего немецкого фельдфебеля, потому что русский также лучше слушается приказов, если они исходят от его соплеменников. И, прежде всего, из-за перенесенных им прежде наказаний русский человек стал настолько невосприимчивым к наказаниям, что они вряд ли возымеют действие на него. Этот тип в любом случае абсолютно неуместен в России. Все же, во-первых, мы не сможем превзойти ГПУ по жесто-

кости, да и, кроме того, мы вообще должны там не заниматься мелочным администрированием, а вернуть народ к новому человечеству.

Но достигнуть этого, прежде всего, так тяжело, и добиться этого можно только дифференциацией из-за того, что советский русский воображает, будто бы он и так уже достиг этого нового человечества. Он отнюдь не ощущает себя известным рабом, но он чувствует себя фактически как самый свободный человек в мире, естественно, только до тех пор, пока он внутренне соглашается с системой как таковой. Но это и есть тот слой, который только и обладает влиянием на массу, так как он располагает определенным псевдоинтеллектом. Поэтому в распоряжении этого слоя также находится то право говорить, то красноречие, которому всегда поддается настоящий русский. Этот слой нам нужно склонить на нашу сторону раньше всех остальных. Конечно, его чувство свободы абсолютно субъективно. Если использовать образное сравнение, то такой человек чувствует это точно так же как тот загипнотизированный, который с удовольствием ест сырую картошку, думая, что это яблоко. Это лишь внушено ему, но не в этом дело. Во всяком случае, он искренне верит, что обладает свободой, и он большей частью вовсе не чувствует цепей. Так нужно рассматривать также тысячи других вещей, которые мы в ином случае не поняли бы, ведь почти все они основываются на внушении пропаганды, но для него они как раз и являются реальностью.

Нужно показывать избранным их представителям все социальное обеспечение наших фабрик, потому что в их случае речь всегда идет об одном и том же: у них вообще больше не было возможности для сравнения. И первая возможность этого сравнения должна разрушить стоящую только на одном этом пропаганду, в кратчайший срок лишить ее любой опоры. Далее, засилье бонз вроде того, что было у нас прежде (в оригинале буквально – «во времена системы», т.е. до прихода национал-социалистов к власти) там вовсе не является обычным явлением. Это доказывают списки узников изоляторов, чего-то вроде концлагерей особо строгого режима, так как в них наряду с ленивыми нищими сидят десятки политруков, сидят наряду с проявившими бесхозяйственность «красными директорами», с самыми высокопоставленными областными комиссарами, часто оказавшимися в тюрьме только из-за каких-то вскрытых недостатков в работе, хотя за прежние заслуги их часто даже награждали орденом Красного знамени. Здесь скрывается также одна из тех тайн, на которых основывается неожиданная устойчивость системы. Следовательно, мы больше не можем обходиться таким понятием как неполноценный человек («унтерменш»), с такой примитивизацией мы вообще не продвинемся вперед в решении этих проблем. Там все еще есть много идеалистов, и так как мы не можем заменить их в их мировоз-

зрении, мы должны, в первую очередь, стремиться превзойти их только лучшими достижениями, что могло бы быть легко для нас в сравнении с советской хищнической эксплуатацией.

Так как все жертвы наших погибших солдат однажды окажутся бесцельны, если в тыловых областях вырвутся на поверхность какие-либо вопиющие недостатки, и наполовину переваренные там понятия без какого-либо более глубокого знания смогут перестать себя сдерживать. Только тот, кто может быть образцом, может успешно справляться там. Во всяком случае, примитивное выставление напоказ позиции господина всегда неправильно, так как русский благодаря своему мировоззренческому обучению давно стал выше того, чтобы подобная позиция каким-то образом могла импонировать ему. По крайней мере, такая позиция больше не производит впечатление на его имеющего благодаря своему интеллекту голос руководителя, однако, для дальнейшего воздействия нашей идеи именно он является решающим. Итак, не следует все время снова приводить удобное возражение, что, мол, русский хотел бы видеть господина, ему нужно импонировать с помощью пышности и блеска, это всё – глупые возражения давно прошедшего времени. Только большая простота импонирует новому русскому человеку, только большие настоящие результаты в любом отношении — а всякая дешевая роскошь кажется ему реакционной, так это вдолбило в него 25-летнее обучение. Как до сих пор едва ли можно было внешне отличить генерала от солдата, так и комиссар также, по крайней мере, внешне едва ли выделяется на фоне солдата. И поэтому не следует пытаться импонировать советскому русскому с помощью еще каких-то внешних эффектов: для этого он слишком долго проходил через большевистское учение о равенстве.

Со словом «обучение» я подхожу к последнему моменту, который, однако, не менее важен, чем прочие. В первую очередь, мы должны остерегаться того, чтобы необдуманно способом посягать на их школы, не заменив их немедленно на другие школы с новой ориентацией. Ибо мы должны, прежде всего, знать о том, что желание учиться и воля учить были одним из самых подлинных в Советском государстве. Почти все женщины-комсомолки многие годы жертвовали свое свободное время после окончания рабочего дня на то, чтобы «ликвидировать неграмотность» у самых старых крестьян. Тем самым в самых широких слоях народа было возбуждено действительно очень искреннее желание учиться. Не просто так самым хитроумным способом все старые барские усадьбы превратили именно в школы. Превращать эти школы снова в усадьбы для размещения в них каких-то штабов только очень помогло бы большевистской контрпропаганде. Как и это достижение, некоторые из советских «достижений» – настоящие, но большая их часть основывается на том гипнозе, который я красочно

описал выше. Из-за этого гипноза масса едва ли видела страшное настоящее, она смотрела как бы выше и дальше его и всегда видела только будущее.

По той же причине также материальные лишения не волновали эту массу так сильно, как мы представляем это себе, для нее это был всегда только переход к золотому веку. Как раз с этой точки зрения мы должны ясно понять, что большевизму под руководством Сталина удалось весь религиозный фанатизм русских, который всегда хотел освободить человечество, спасти его для Царства небесного, переключить из его прежних небесных пространств на мир земной. Только таким образом мы сможем добиться настоящей победы над его демонической соблазняющей силой. Через него его безграничная способность терпеливо сносить страдания была направлена на земной рай, но так как мы не можем противопоставить ни ему, ни его фанатизму спасения ничего равного ему по силе, мы сможем победить эти силы только на основании самого дифференцированного духовного превосходства.

Все, что вело к победе над западными народами, что должно было бы также привести революционеров к победе над любой стареющей пресыщенностью, т.е. то, что по самой сущности в любом случае инстинктивно было правильным, не действенно против этого противника уже по той причине, что он столь же полностью революционен во всем, как и мы сами, в остальном, однако, он даже превосходит нас в революционной непреклонности. То, что на Западе на любом уровне должно было бы привести к успеху, так как там против примененных нами сил, особенно если они были политической природы, не существовало каких-либо равноценных противовесов, больше не может быть применено на Востоке такими же методами, так как мы по отношению к Советам оказываемся таким же Западом, и как западноевропейцы мы уступаем Советам в этих методах. Успеха по отношению к Советам можно добиться только на основе интеллекта, с долговременным внимательным применением самой тщательно разработанной тактики, ибо только в этой области мы превосходим Восток. Во всем другом, однако, мы должны считаться с его противодействием, мы должны в первую очередь иметь ясное представление об этом, идет ли речь о революционном фанатизме, о революционной самоотверженности, о революционной способности стойко переносить страдания, потому что в то время как нам на этом уровне противостоит настоящее кипение, мы в этом смысле можем считаться только сохраняющими приятную постоянно теплую температуру. Поэтому на этой арене мы не можем победить его, ибо на ней культурный человек Запада в принципе не сможет нанести поражение примитивному человеку Востока.

Если подвести итог всему сказанному, то самая надежная гарантия того, чтобы победить в решающем бою этих миров, состоит в том, чтобы мы завоевали русского изнутри, привлекли его на свою сторону, сделав, по меньшей мере, русского на оккупированных территориях европейцем.

Из журнала: «Der Dietrich». Schulungsbrief der SS-Leibstandarte Adolf Hitler, 20 октября 1943 г.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).